

Игорь Антонов

**Нравственно-правовые
критерии уголовно-
процессуальной деятельности...**

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Игорь Антонов

**Нравственно-правовые критерии
уголовно-процессуальной
деятельности следователей**

«Юридический центр»

2003

УДК 343.1
ББК 67.411

Антонов И. А.

Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей / И. А. Антонов — «Юридический центр», 2003 — (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса)

[<p id="__GoBack">](#)В предлагаемом читателю издании рассматриваются теоретико-методологические и прикладные аспекты нравственного совершенствования уголовно-процессуальной деятельности следователей. В работе исследуются нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности, дается классификация, а также описываются вопросы их применения в практической деятельности лиц, осуществляющих производство по уголовным делам (при применении мер уголовно-процессуального принуждения и при производстве отдельных следственных действий). Особое внимание автор уделяет исследованию значения нравственно-правовых критериев в уголовном судопроизводстве и определению перспектив нравственного совершенствования уголовно-процессуальной деятельности в Российской Федерации. Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, для лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, а также всех, кто интересуется современными проблемами уголовного судопроизводства.

УДК 343.1
ББК 67.411

© Антонов И. А., 2003
© Юридический центр, 2003

Содержание

Уважаемый читатель!	7
Введение	9
Глава 1. Теоретико-методологические основы нравственно-правовых начал уголовно-процессуальной деятельности	11
§ 1. Нравственно-правовые начала уголовного процесса	11
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Игорь Антонов
Нравственно-правовые критерии
уголовно-процессуальной
деятельности следователей

© И. А. Антонов, 2003

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003

Уважаемый читатель!

Вы открыли книгу, входящую в серию работ, объединенных общим названием «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса».

Современный этап развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства напрямую связан с происходящими в России экономическими и политическими преобразованиями, которые определили необходимость коренного реформирования правовой системы. Действуют новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы, с 1 июля 2002 г. вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В этих законах отражена новая система приоритетов, ценностей и понятий, нуждающихся в осмыслении. Появившиеся в последнее время комментарии и учебники по данной тематике при всей их важности для учебного процесса достаточно поверхностны. Стремление познакомить читателя с более широким спектром проблем, с которыми сталкиваются как теоретики, так и практики, и породило замысел на более глубоком уровне осветить современное состояние отраслей криминального цикла. Этой цели и служит предлагаемая серия работ, посвященных актуальным проблемам уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

У истоков создания настоящей серии книг стояли преподаватели юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Впоследствии к ним присоединились ученые Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургского университета МВД и других вузов России, а также ряд известных криминалистов, обладающих большим опытом научных исследований в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

В создании серии принимают участие и юристы, сочетающие работу в правоохранительных органах, других сферах юридической практики с научной деятельностью и обладающие не только богатым опытом применения законодательства, но и способностями к научной интерпретации результатов практической деятельности.

С учетом указанных требований формировалась и редакционная коллегия, которая принимает решение о публикации.

Предлагаемая серия основывается на действующем российском законодательстве о противодействии преступности и практике его применения с учетом текущих изменений и перспектив развития. В необходимых случаях авторы обращаются к опыту зарубежного законодательства и практике борьбы с преступностью, с тем, чтобы представить отечественную систему в соотношении с иными правовыми системами и международным правом.

Подтверждением тому служат вышедшие из печати работы Б. В. Волженкина, В. И. Михайлова, А. В. Федорова, Е. В. Топильской, М. Н. Становского, В. Б. Малинина, Д. В. Ривмана, В. С. Устинова, В. М. Волженкиной, Р. Д. Шарапова, М. Г. Миненка, С. Д. Шестаковой, И. Ю. Михалева, Г. В. Овчинниковой, О. Н. Коришновой, А. Н. Попова, С. Ф. Милюкова, А. Л. Протопопова, С. А. Алтухова, В. Г. Павлова, Ю. Е. Пудовочкина, И. М. Тяжковой, В. М. Борисенко, А. В. Сапсая, А. А. Майорова, Г. В. Назаренко, А. А. Струковой, С. С. Тихоновой, А. В. Мадьяровой, М. Л. Прохоровой, Л. А. Андреевой, П. Ю. Константинова, И. В. Александрова, Л. С. Аустовой, А. И. Бойко, Л. Ю. Родиной, Т. Б. Дмитриевой, Б. В. Шостаковича, А. И. Рарога, А. А. Сапожкова, В. А. Нерсеяна, Л. В. Головки, Л. Л. Кругликова, А. Д. Назарова, А. Е. Якубова, С. В. Бородина, А. Г. Кибальника, Л. И. Романовой, А. И. Коробеева, Д. А. Шестакова, В. Д. Филимонова и др., в которых анализируются современные проблемы борьбы с преступностью.

Надеемся, что найдем в Вас взыскательного читателя, если Ваша принадлежность к юридико-образовательной или правоприменительной деятельности вызовет интерес к этой серии книг.

***Редакционная коллегия
Март 2003 г.***

Введение

В современных условиях поиска наиболее рациональных путей реформирования российской правоохранительной системы с целью реальной защиты прав и свобод человека, как высшей ценности общества, с особой остротой встает вопрос о нравственных началах деятельности государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. Нравственность является одним из важных способов регуляции правоотношений, складывающихся в такой специфической сфере человеческого бытия, как уголовно-процессуальная деятельность. Так, в соответствии со ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Их решение необходимо осуществлять с учетом исторически сложившихся представлений о праве и нравственности, опираясь на нравственные устои российского общества.

Особое значение нормы общечеловеческой морали приобретают в периоды коренных социально-экономических преобразований общества и государства, когда старые законы уже мешают развитию зарождающихся общественных отношений, а новые еще не приняты; когда меняется ценностная ориентация общества и то, что отвергалось ранее, становится не только приемлемым, но и необходимым; когда происходит резкое обострение криминальной обстановки в стране. Во всех этих случаях одним из главных ориентиров для определения дозволенного являются не только положения законодательных актов, но и нормы нравственности, по которым широкие слои населения сверяют свои намерения и действия. В связи с этим назревает большая потребность в подробном исследовании многообразных проблем этики отечественного уголовного процесса в целом, и уголовно-процессуальной деятельности следователей, в частности.

Исследование теоретических основ нравственности применительно к уголовно-процессуальной деятельности приобретает также особую актуальность в свете обновления российского уголовно-процессуального законодательства. Работа над соответствием норм нового уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации нормам нравственности (нравственно-правовым критериям) имеет принципиальное значение, так как содержание УПК РСФСР не всегда отвечало указанным требованиям. Это подтверждается результатами социологического опроса лиц, осуществляющих предварительное расследование, проведенного автором настоящей работы. 68,2 % респондентов посчитали, что отдельные нормы УПК РСФСР вступают в антагонизм с нравственными нормами, при этом 61,3 % ратовали за то, что уголовно-процессуальный закон должен быть нравственным¹. Ввиду такого положения дел одной из основных задач судебно-правовой реформы являлось качественное обновление уголовно-процессуального законодательства, и опора в этой работе должна была делаться на нормы общечеловеческой морали. Насколько законодатели учли достижения ученых в области уголовно-процессуального права и потребности правоприменительной практики в сфере уголовно-процессуальной деятельности, показывает УПК Российской Федерации 2001 г. и другие нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, принятые в последние годы. Соответствуют ли они нравственно-правовым критериям? Соответствует ли работа государственных органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, нравственно-правовым критериям уголовно-процессуальной деятельности? На эти вопросы и предстоит ответить сегодня

---

¹ Результаты социологического опроса сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих предварительное расследование (нравственное содержание уголовно-процессуальной деятельности). Информационный бюллетень № 10. Сост. И. А. Антонов / Под общ. ред. В. П. Сальникова и К. Т. Ростова. СПб., 2000. С. 23.

в новых условиях работы по новым законодательным актам, регламентирующим различные сферы общественных отношений и, в частности, область уголовно-процессуальных отношений.

Таким образом, тема нравственно-правовых критериев уголовно-процессуальной деятельности, вопросы определения роли нравственных начал в уголовном судопроизводстве нуждаются в глубоком доктринальном изучении.

Глава 1. Теоретико-методологические основы нравственно-правовых начал уголовно-процессуальной деятельности

§ 1. Нравственно-правовые начала уголовного процесса

Нравственно-правовой аспект проблемы исследования уголовно-процессуальной деятельности требует выявления оснований, по которым возможно свести воедино два понятия – «право» и «нравственность». Синтез понятий, однако, возможен лишь тогда, когда они имеют единое основание. Определить, действительно ли единство имеет место, какова его истинная природа, каким образом и в каком взаимоотношении развиваются в пределах этого единства различные по сути понятия правового и нравственного становится возможным, на наш взгляд, при подробном рассмотрении исторического пути этого развития. Реальные процессы развития правовых и нравственных отношений в обществе находили свое отражение в этических и правовых учениях в разные исторические эпохи. Учитывая, что данная работа носит отнюдь не историографический, а теоретико-аналитический и прикладной характер, нет необходимости исследовать все существовавшие точки зрения об отношении права и нравственности. В силу этого представляется целесообразным решить указанную проблему обратившись к истории наиболее значительных философских, политических, правовых и этических исследований. Обращение к классическому наследию позволит проследить процесс развития нравственного совершенствования права, в том числе уголовно-процессуального.

Учитывая то, что общеконцептуальные основы науки о праве и нравственности исторически закладывались в основном философами, немаловажное место в нашем анализе займут идеи философии права. Именно философия права выступает тем единым теоретическим полем, на котором произрастают науки о праве и науки о нравственности, и на котором разыгрывается мистерия их взаимодействия. Философия права составляет методологическое и мировоззренческое основание теории права². В целом особенности российского правоведения во многом определялись глубокой и тесной связью с традицией философии права, как русской, так и западной³. При этом значительная ориентация была сделана, как представляется, на классические образцы философии права. Платон и Аристотель, Т. Гоббс и Г. Гроций, И. Кант и Г. Гегель составляли тот теоретический источник, из которого черпали свои представления русские правоведы XIX–XX вв. Хотя, конечно, в центре внимания наших соотечественников находились и взгляды более новых западных теоретиков и философов права XIX в. – позитивистов О. Конта, Дж. Ст. Милля, Дж. Остина; основоположника исторической школы права Ф. К. Савиньи, Р. Йеринга и др.⁴ Таким образом, происходило слияние русской и западной мысли.

Подобно античной философии права ее преемница – русская философия – имела у своих истоков мысль, в равной мере обращенную и к глубинной сущности бытия, и к проблемам закона, свободы и их роли в истории. Поэтому, когда русская наука о праве стала развиваться

---

² Альбов А. П. Нравственно-правовые проблемы в русской и немецкой философии права (историко-правовой анализ): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1999. С. 128.

³ Альбов А. П. Нравственно-правовые проблемы в русской и немецкой философии права (историко-правовой анализ): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1999. С. 115–131.

⁴ Луковская Д. И., Гуцериев Х. С., Козлов В. А., Поляков А. В. Введение в теорию права (историко-методологический аспект). СПб., 1996. С. 14–17.

в форме систематической академической дисциплины, примерно с начала XX в., углубленное философствование с опорой, прежде всего, на немецкие теоретические источники стало ее уделом и характерной чертой⁵. И все-таки историческая культура русского народа имеет свои особенности.

Говоря о своеобразии отечественной философии права, следует выделить определившие данное своеобразие важнейшие черты русской правовой и философско-правовой мысли. Во-первых, это своеобразие формы и стиля изложения в развитии западных идей. Во-вторых, это суть самих идей, которые основывались прежде всего на отношении права и нравственности, свободы и обязанности, материального и духовного. В русской философии права имела большое значение интеллектуальная интуиция, нравственный, социально-правовой опыт личности, а также религиозно-правовой опыт народа⁶. Поэтому остановимся более подробно на изучении трудов философов и правоведов нашего государства XIX – XX вв. Конечно, работы современных авторов также будут рассматриваться по мере исследования конкретных вопросов.

Юридическое образование в России традиционно было неотрывным от философского образования. Русский юрист обязан был владеть философской культурой, впитать нравственные принципы жизни своего народа, государства, поскольку юридические отношения в России, как подметил А. С. Хомяков, становились подлинными лишь тогда, когда входили в обычай, создавали его, а часто как раз правовые нормы вырастали из обычая, из уклада жизни⁷. Даже юридический факультет Московского Императорского университета прежде назывался не факультет, а «нравственно-политическое отделение»⁸.

Русский исследователь проблемы отношения права и нравственности Э. Ю. Соловьев, отмечал, что эта тема является одной из тех, которые отличают классическую юридическую науку в целом. Причем именно глубокая взаимосвязь морали и права, «морально-этическая ориентация в правоведении» как раз и задают высокий нравственный потенциал классического правоведения, предохраняют его от возможного впадения в формализм. «Знаменательно, – писал Э. Ю. Соловьев, – что тема права в классических концепциях – это всегда тема моральной философии. Сам вопрос о коренном различии права и нравственности (а с конца XVIII столетия он осознается совершенно отчетливо) решается прежде всего как этическая проблема. Именно эта принципиальная морально-этическая ориентация в правоведении обеспечивает, во-первых, максимальную исходную удаленность от юридического позитивизма; во-вторых, – изначальную и безусловную, как бы аксиоматическую соотнесенность понятия права с понятием свободы»⁹.

Рассчитывать в правильном аспекте рассмотреть проблему соотношения права и нравственности можно лишь проанализировав классические историко-правовые и философско-правовые учения. Это позволит по-новому взглянуть на многие укоренившиеся стереотипы юридической науки, занять такую позицию в отношении права, человека, нравственных ценностей личности, которая бы вполне соответствовала этапу современного развития российского государства. Все это должно способствовать более детальному изучению уголовно-процессуального права с позиций нравственности.

Как уже отмечалось, проблемам права и нравственности отведено весьма важное место в российской философии права. К ним обращались выдающиеся ученые-правоведы – П. Новгородцев, Е. Трубецкой, Е. Спекторский, Н. Алексеев, И. Ильин и др. «Оба предписания –

---

⁵ Альбов А. П. Нравственно-правовые проблемы в русской и немецкой философии права (историко-правовой анализ). С. 117–118.

⁶ Альбов А. П. Нравственно-правовые проблемы в русской и немецкой философии права (историко-правовой анализ). С. 130.

⁷ Отрывок из письма А. С. Хомякова см.: Нольде Б. Е. Юрий Самарин и его время. Париж, 1978. С. 53.

⁸ Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 3.

⁹ Соловьев Э. Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М., 1992. С. 3–4.

право и нравственность – исходят из одного корня, из существа человеческой личности, требуют к себе уважения, – писал видный дореволюционный юрист П. Нежданов. – Правом определяются вытекающие отсюда отношения внешней свободы; нравственность касается только внутренних помыслов, но в этом заключается и требование уважения к праву как выражению человеческой личности. Когда согласно с юридическим законом действие внушено не страхом внешнего наказания, а сознанием долга, оно получает нравственный характер»¹⁰. В этих словах очень ярко выражена позиция по данному вопросу целого ряда выдающихся юристов.

Наличие внутренней взаимосвязи нравственности и права, истоки их различия исследовал один из крупнейших русских правоведов Б. Н. Чичерин. Так, по его мнению, и право, и нравственность указывают на высшую связь лиц в обществе. Из самого этого взаимодействия вытекают совокупные понятия и чувства, интересы и цели, которые ведут к установлению общего порядка¹¹. Разница между правом и нравственностью является не количественной, но качественной. Если право – это «свобода, определенная законом», то нравственность – это явление, налагающее на человека одни только обязанности, и не определяющее никаких прав. Подчинение права нравственности равносильно введению ее принудительными мерами, что означает уничтожение и нравственности и права¹².

Во многом соглашаясь с аргументами Б. Н. Чичерина, один из выдающихся теоретиков права России Л. И. Петражицкий описывал нравственность как сферу добровольно принятых обязанностей, вытекающих из чувства любви и благодарности¹³. Петражицкий – создатель оригинальной психологической концепции права. Право, согласно его воззрениям, – это не законодательные нормы, не правовые отношения, не нравственная идея, а психологическое явление, т. е. определенная эмоция, обладающая специфическими признаками. В отличие от других эмоций, данные эмоции императивно определяют наше поведение, а с другой стороны, – они авторитетно отдают другому, предписывают ему как должное то, чего они требуют от нас. Такие эмоции Петражицкий называл императивно-атрибутивными, или нормами права. Они отличаются от норм нравственности, которые, будучи также эмоциями, носят односторонний характер. Предписывая определенное поведение как нравственную обязанность, они не предоставляют никому права требовать их безусловного исполнения.

Особенностью теории Петражицкого стал вывод о том, что в общественной жизни роль права гораздо важнее роли нравственности. По мнению ученого, «только благодаря правовой психике создается прочная координированная система вызываемого правом социального поведения, прочный и точно определенный (социальный) порядок, на которой можно полагаться и рассчитывать в области хозяйственных и иных планов и предприятий»¹⁴. Нравственность же, считал он, ориентирует человека на личное совершенствование и тем самым не может быть фундаментом социальной дисциплины и хозяйственного, рыночного расчета¹⁵.

На тесной связи между правом и нравственностью акцентировал внимание П. И. Новгородцев, рассматривая в своей теории право с точки зрения применения к нему нравственной оценки. Отстаивая самостоятельное нравственное и духовно-культурное значение права, не сводимое к категориям силы и расчета, естественно-правовая доктрина П. И. Новгородцева утверждала нравственное достоинство человека, наделенного свободой и ответственностью.

¹⁰ Нежданов П. Нравственность. М., 1898. С. 5–20.

¹¹ Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900. С. 223–228.

¹² Чичерин Б. Н. 1) Собственность и государство. Т. 1. С. 34. 2) Философия права. С. 34.

¹³ Луковская Д. И., Гуцериев Х. С., Козлов В. А., Поляков А. В. Введение в теорию права (теоретико-методологический аспект). С. 20; Кузнецов Э. В., Сальников В. П. Правовая теория Л. И. Петражицкого и современные проблемы правовой культуры // Методологические проблемы воспитательной и кадровой работы в ОВД и ВВ: Сб. науч. трудов. СПб., 1991. С. 43–53.

¹⁴ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 1. С. 185.

¹⁵ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 1. С. 148.

Поэтому в центре правовой теории автора находилось понятие автономной нравственной личности. Личность, которая есть не средство, а всегда – цель общественного развития, которая соединяется с другими личностями в «свободном универсализме» и тем самым приобретает полную свободу и равенство¹⁶.

П. И. Новгородцев утверждал, что с самого начала своего существования право является не только внешним механическим устройством общества, но также и нравственным ограничением общественных сил, поскольку в праве заключается совместное подчинение их высшему решению и принятие на себя известных обязанностей. Успех действия права в жизни вообще обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку. Без этой поддержки право превращается в мертвую букву, лишённую жизненного значения, или в тяжкое бремя, сносимое против воли. С другой стороны, из этой естественной связи права с нравственностью вытекает их постоянное взаимодействие, одним из проявлений которого служит нравственная критика правовых норм¹⁷.

Религиозно-философский подход к трактовке проблем отношения права и нравственности наиболее весомо был представлен в России выдающимся философом конца XIX в. В. С. Соловьёвым. Его правовые взгляды были направлены прежде всего против юридического и социологического позитивизма и утверждали неразрывную связь права с религиозно-нравственными ценностями¹⁸.

По его мнению, необходимым условием всякого права является свобода и равенство субъектов (естественное право). Общее формальное определение права как свободы, обусловленной равенством, т. е. равным ограничением, хотя и обозначает собственно юридическую область общественных отношений, все же само по себе не может служить решением в вопросе о связи между правом и нравственностью. Нет такого нравственного отношения, которое не могло бы быть правильно и общепонятно выражено в правовых терминах.

По концепции В. С. Соловьёва, в двух терминах «право» и «закон» воплощается существенное единство юридического и нравственного начал. Ибо, что такое право, как не выражение правды и как не содержание закона, а с другой стороны, – то же понятие правды и справедливости предписывается нравственным законом.

Всякая мысль о коренной противоположности и несовместимости нравственного и юридического начал упраздняется, когда говорится о нравственном праве и нравственной обязанности¹⁹.

Идея права, по мысли В. С. Соловьёва, неразрывно связана со свободой, которая представляет собой характерный признак личности. Самоограничение свободы и порождает право, ибо означает признание права на свободу другого лица; отрицая свободу другого, нельзя иметь нравственных оснований для утверждения собственной свободы. Следовательно, только равенство в пользовании свободой может быть гарантией самой свободы. Отсюда следует определение Соловьёвым права как «свободы, обусловленной равенством», или «синтеза свободы и равенства»²⁰. Но право у философа определяется также и справедливостью, которая не тождественна равенству и не носит только формальный характер. Справедливость есть равенство в исполнении должного, что соответствует, по Соловьёву, принципу альтруизма, требующего признавать за другими то же право на жизнь и благополучие, какое признается каждым за самим собой. В этом заключается центральный пункт его теории права, нравственно должное в ней трактуется как необходимый признак права. Поэтому несправедливые законы, идущие

---

¹⁶ Новгородцев П. И. Введение в философию права: кризис современного правосознания. М., 1996.

¹⁷ Новгородцев П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. М., 1896. С. 7–8.

¹⁸ Луковская Д. И., Гуцериев Х. С., Козлов В. А., Поляков А. В. Введение в теорию права (историко-методологический аспект). С. 25.

¹⁹ Соловьёв В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб., 1899. С. 1–28.

²⁰ Соловьёв В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб., 1899. С. 1–28.

вразрез с нравственным понятием добра, не отвечают требованиям права, не являются правовыми законами и подлежат отмене.

В то же время Соловьев проводил четкое отличие права от нравственности. Нравственное требование есть по существу неограниченное и всеобъемлющее, соответствующее идеалу совершенства; правовое требование по существу ограничено, оно требует лишь фактической задержки известных проявлений зла. В этом отношении право есть определенный минимум нравственности. Право требует объективной реализации этого минимума добра или действительного устранения известной доли зла. В этой реализации право допускает принуждение. Исходя из этого, Соловьев выводил общее определение права в его объективном отношении к нравственности: право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла²¹.

Против такого понимания права выступал П. И. Новгородцев, который писал, что право никогда не может проникнуться началами справедливости и любви. Если оно вступает в известных случаях в противоречие с нравственными заветами, то его нельзя назвать нравственными, даже в минимальной степени²².

Следовательно, противоречия эти существуют не между правом и нравственностью, а между различными состояниями как правового, так и нравственного сознания. Обращаясь к этим концепциям, напрашивается вывод, что право и нравственность следует понимать исходящими из одного источника, определяемого общественным сознанием и требованием разума.

Ряд аргументов в защиту теории этического минимума права выдвинул А. С. Яценко. Материальное определение права, считал он, говорящее о действительном содержании права, может быть дано нравственностью, так как право есть лишь одно из выражений этической деятельности людей, и содержание нравственности определяет собою до известной степени и содержание права²³.

По мнению А. С. Яценко, право никогда не может быть обособлено от нравственности²⁴. Право, считает ученый, есть именно принудительно осуществляемый минимум нравственности. Из этого следует, что как правовые, так и нравственные начала в сознании имеют различные состояния (всякое совершенство может быть достигнуто через последовательную работу, через постепенное становление). В этих состояниях есть та же борьба, что и во всех областях общественного существования, борьба между стремлением к сохранению и новым подъемом сознания. В данном случае право исторически прогрессивно приближается к нравственности²⁵.

Указывая на отличие правовых и нравственных норм²⁶, И. А. Ильин все же акцентировал внимание, что между ними не порывается и не должна порываться живая связь.

Ученый отмечает, что отношение между правом и моралью может слагаться правильно и неправильно. Правильное отношение между ними существует тогда, когда право, не выходя из своих пределов, согласуется по существу с требованиями морали и является для нее подготовительной ступенью и поддержкою; а мораль, со своей стороны, служа для права высшим мерилom и руководителем, придает правовым велениям то глубокое значение и ту обязательную силу, которая присуща нормам морали²⁷.

---

²¹ Соловьев В. С. 1) Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. С. 1–28; 2) Оправдание добра, нравственная философия. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 126.

²² Новгородцев П. И. Право и нравственность. М., 1900. С. 46.

²³ Яценко А. Теория федерализма. Юрьев, 1912. С. 116–118.

²⁴ Альбов А. П., Масленников Д. В. Право как выражение правды и справедливости (научное наследие русского правоведа А. С. Яценко) // Вестник СПб. ун-та МВД России. 1999. № 3. С. 137–142.

²⁵ Альбов А. П., Масленников Д. В. Право как выражение правды и справедливости (научное наследие русского правоведа А. С. Яценко) // Вестник СПб. ун-та МВД России. 1999. № 3. С. 119.

²⁶ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 4. С. 76.

²⁷ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 4. С. 77.

По И. А. Ильину, справедливость требует, чтобы люди вообще обсуждали и рассматривали свои отношения и судили других людей, имея в виду «действительное положение вещей», т. е. не только внешнюю поверхностную видимость отношений и поступков, но их подлинную сущность и нравственное значение. Справедливость требует, чтобы правовые нормы сохраняли в своих требованиях соразмерность действительным свойствам и деяниям людей.

Справедливое право есть право, которое верно разрешает столкновение между естественным неравенством и духовным равенством людей, учитывая первое, но отправляясь всегда от последнего²⁸.

Правовые нормы, стоящие в согласии с моралью и справедливостью, называются естественным правом (т. е. правом, соответствующим самому «естеству» человека как духовно-нравственного существа). Когда человек имеет дело с такими нормами, то он получает возможность повиноваться им не только за страх, но и за совесть. Тогда оказывается, что каждый человек имеет не только правовую, но и моральную обязанность повиноваться праву, потому что тогда право предписывает во внешнем поведении то самое, что голос совести одобряет как нравственное и справедливое. При таком положении дел право требует от человека как бы известного минимума морального и справедливого поведения, именно – моральной корректности во внешних поступках, и этим оно содействует нравственному воспитанию человека, начиная это воспитание с «внешнего». Тогда и мораль находит в праве могучую и достойную опору, и между обеими сторонами устанавливается живое и творческое взаимодействие. В естественном праве обе стороны соединяются и согласуются: право остается правом, но получает значение моральной верности и становится естественным правом; мораль не вытесняется и не нарушается правом, но руководит его предписаниями и придает ему характер «естественности»²⁹.

Такого верного соотношения в действительности достигнуть трудно, но оно необходимо. Поэтому сегодня актуальна задача – работать над нравственным совершенствованием права. Чем более гуманны, справедливы и нравственны законы, чем более гуманно и нравственно поведение граждан, тем легче гуманно, нравственно и справедливо действовать сотрудникам правоохранительных органов, тем более гуманной и нравственной будет сама правоохранительная деятельность³⁰. В рамках же данного исследования предстоит работа по решению задач приведения уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики следователей в соответствие с нормами нравственности.

В целом оценку дореволюционной теории права в России можно выразить словами из работы петербургских ученых «Введение в теорию права»: «... для нее были характерны антиэтатизм, уважение к человеческой личности и ее правам (при отсутствии противопоставления права закону), стремление найти правовую формулу для сочетания свободы личности с интересами общественного развития, глубокий уровень философской проработки правовой проблематики»³¹.

Обобщая опыт философско-правовой интерпретации соотношения права и нравственности в правоведении России, можно сказать, что теоретически эта проблема была достаточно глубоко осмыслена. При этом главное направление в ее решении составляло признание органической взаимосвязи нравственной и правовой сущности человека и общества. В связи с этим можно сделать вывод: утверждение, что нравственность и право являются единым целым, состоялось. Юридические решения, основанные только на формальном применении «буквы

---

²⁸ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 4. С. 77–80.

²⁹ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 4. С. 80–81.

³⁰ Федоров В. П. Человек и правоохранительная деятельность (философско-правовой аспект): Автореф. дис... докт. юрид. наук. СПб., 1996. С. 331.

³¹ Луковская Д. И., Гицериев Х. С., Козлов В. А., Поляков А. В. Введение в теорию права (историко-методологический аспект). С. 29–31.

закона» и принятые в отрыве от нравственно-психологического климата в обществе, не могут быть верными и справедливыми. В подавляющем большинстве случаев нормы соблюдаются добровольно, поскольку они соответствуют нравственным представлениям граждан о справедливом и несправедливом. Нарушение всякой правовой нормы рассматривается как безнравственный поступок и влечет за собой, помимо юридической ответственности, и нравственное осуждение. Это должно быть присуще и правоотношениям, складывающимся в сфере уголовного судопроизводства.

Учитывая все вышеизложенное, а также необходимость рассмотрения уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной деятельности с позиций нравственности, следует перейти к синтезу трех понятий: право, нравственность и критерии (греч. *Kriterion* – средство для суждения) – признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило суждения, оценки³²).

Итак, нравственно-правовые критерии – это нормы, правила поведения, на основании которых дается оценка юридической деятельности людей с точки зрения ее справедливости или несправедливости, с позиций добра и зла, свободы, совести и ответственности, чести и человеческого достоинства. Этими критериями регулируется данная деятельность, с целью приведения ее в соответствие с исторически сложившимися представлениями о праве и нравственности.

При этом нравственность понимается как определенная система социальных норм, регулирующих поведение людей в обществе. Нравственность – это нормы, правила поведения, которыми руководствуются люди и которые служат критериями оценки их поступков с точки зрения добра и зла, достоинства и порока, справедливости и несправедливости и т. д.³³ Право, в свою очередь, – это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом³⁴.

В правовом, демократическом, гражданском обществе единство нравственности и права реализуется в такой закономерности, как возрастание нравственного потенциала права, этических основ законности и правопорядка. Реализация этой закономерности в уголовно-процессуальном праве должно развиваться в направлении его гуманизации и соблюдения естественных прав и свобод человека, обеспечения безопасности и охраны чести и достоинства личности.

Причем нравственность уголовного судопроизводства – это не только нравственная обоснованность уголовно-процессуальных норм, но и этическая безупречность самой деятельности суда, прокурора, следователя и дознавателя по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, поскольку им дано в руки такое орудие борьбы с преступностью, как закон. Нравственность закона, умноженная на нравственные принципы лица, применяющего этот закон, способна породить действительно эффективную правовую политику, по достоинству оцениваемую обществом.

В силу взаимопроникновения нравственных и правовых норм, переплетения нравственных и правовых отношений усвоение норм права и норм нравственности происходит в органичном единстве, которое как раз и должно быть достигнуто в ходе целенаправленного регулирования уголовно-процессуальной деятельности. Данная часть работы предполагает решение вопросов, связанных с обоснованием единства нравственных и правовых норм для последующего его использования в исследовании уголовно-процессуальной деятельности следователей на предмет ее соответствия исторически сложившимся в российском государстве представлениям о праве и нравственности. Первая часть поставленной задачи, на наш взгляд, решена,

---

³² БСЭ. 3-е изд. М., 1973. Т. 13. С. 450.

³³ Проблемы судебной этики / Под ред. М. С. Строговича. М., 1974. С. 7.

³⁴ Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 29.

а для решения второй ее части необходимо раскрыть понятие и содержание уголовно-процессуальной деятельности.

Основанная на законе и направляемая законом деятельность суда, прокурора, следователя, дознавателя образует основное содержание уголовного процесса. Деятельность этих органов государства и должностных лиц имеет определяющее и организующее значение при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Они несут ответственность за законное производство по уголовному делу, законность принимаемых решений. При этом нельзя упускать из виду, что в понятие уголовно-процессуальной деятельности входит не только система процессуальных действий, совершаемых органами государства, но и процессуальные действия, совершаемые всеми участвующими в производстве по делу лицами³⁵.

Авторы работы «Судебная этика» прямо указывают: «Будучи сложной и многогранной, уголовно-процессуальная деятельность предполагает не только действия компетентных органов государства (дознания, следствия, прокуратуры, суда) и их представителей по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, но и совокупность действий, совершаемых в установленном законом порядке всеми участниками уголовного процесса, наделенными соответствующими процессуальными правами и обязанностями»³⁶.

В литературе существуют и несколько иные определения уголовно-процессуальной деятельности: «Уголовно-процессуальная деятельность, связанная с доказыванием по уголовному делу, заключается в обнаружении, собирании, закреплении, проверке и оценке доказательств, применении соответствующих уголовно-процессуальных норм»³⁷. Или в структуре уголовно-процессуальной деятельности выделяют процессуальное доказывание, юридическую оценку фактических обстоятельств дела и логическое доказывание³⁸.

Несомненно, вопросы нравственности уголовного процесса касаются работы и суда, и прокуратуры, и органов предварительного следствия и дознания. Бесспорно, затрагиваемые нами нравственные аспекты касаются всей уголовно-процессуальной деятельности в целом, в том числе и деятельности лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства, но в связи с тем, что мы сознательно ограничили нашу работу рамками данной темы, то остановимся более подробно лишь на исследовании деятельности следователей, связанной с доказыванием по уголовному делу.

Сегодня общепринято, что данная деятельность заключается в собирании, проверке и оценке доказательств³⁹, применении соответствующих уголовно-процессуальных норм, для того, чтобы установить наличие или отсутствие события преступления, лиц, виновных в его совершении, характер и размер вреда, причиненного преступлением, и иные обстоятельства, имеющие значение для дела (ст. 73 УПК РФ). В научной литературе встречается и несколько иное обозначение этапов процесса доказывания, что, тем не менее, не меняет его сути. И прежде чем перейти к раскрытию указанных составных частей, надо отметить некоторые организационно-правовые моменты деятельности следователей.

Согласно п. 41 ст. 5 УПК Российской Федерации (ст. 38 УПК РФ) следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной уголовно-процессуальным законом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. Предварительное следствие производится следователями прокуратуры, следователями

---

³⁵ Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. П. А. Лупинской. М., 1995. С. 6.

³⁶ Комарова Н. А., Сидорова Н. А. Судебная этика. СПб., 1993. С.21.

³⁷ Москалькова Т. Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования). М., 1996. С. 7.

³⁸ Шестакова С. Д. Проблемы состязательности в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 133.

³⁹ Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. П. А. Лупинской. С. 152–155.

органов федеральной службы безопасности, следователями органов внутренних дел и следователями органов налоговой полиции (ст. 151 УПК РФ).

При осуществлении предварительного следствия по уголовному делу следователь уполномочен: возбуждать уголовное дело (с согласия прокурора); принимать уголовное дело к своему производству или направлять его другому следователю или дознавателю; самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда требуется получение судебного решения и (или) санкции прокурора; давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении; осуществлять иные полномочия (ст. 38 УПК РФ).

Кроме того, когда в тексте описывается уголовно-процессуальная деятельность следователя, то следует учитывать деятельность всех лиц, полномочных осуществлять предварительное расследование. Это и прокурор, который уполномочен от имени государства осуществлять уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 37 УПК РФ), уполномочен возбуждать уголовное дело и принимать его к своему производству, а также участвовать в производстве предварительного расследования и в необходимых случаях лично производить следственные действия (п. 1, 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Это и начальник следственного отдела (согласно п. 18 ст. 5 УПК РФ – должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение, а также его заместитель), который вправе принять уголовное дело к своему производству и произвести предварительное следствие в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя и (или) руководителя следственной группы (ч. 2 ст. 39 УПК РФ). Это также и органы дознания (согласно п. 24 ст. 5 УПК РФ – государственные органы и должностные лица, уполномоченные в соответствии с уголовно-процессуальным законом осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия), на которые возлагается дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, и выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно (ч. 2 ст. 40 УПК РФ); и дознаватели (согласно п. 7 ст. 5 УПК РФ – должностные лица органа дознания, правомочные осуществлять предварительное расследование в форме дознания), на которых начальником органа дознания возлагаются полномочия органа дознания (ч. 1 ст. 41 УПК РФ).

Итак, собирание доказательств выражается в совершении субъектами доказывания в пределах их полномочий процессуальных действий, направленных на обнаружение, истребование, получение и закрепление в установленном законом порядке доказательств⁴⁰. Собирание доказательств представляет собой систему действий, направленных на восприятие объективно существующих следов происшедшего события и их процессуальную фиксацию⁴¹.

Согласно ст. 86 УПК Российской Федерации собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий.

В статьях УПК Российской Федерации, посвященных собиранию доказательств (в отличие от ст. 70 УПК РСФСР), прямо не указано, что дознавателю, следователю, прокурору и суду предоставлено право требовать от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан представления предметов и документов, имеющих значение для дела. Однако следует согласиться с авторами научно-практического комментария к Уголовно-процессуаль-

---

⁴⁰ Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. П. А. Лупинской. С. 153.

⁴¹ *Рохлин В. И., Осипкин В. Н.* Доказательства. Сер. «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / Науч. ред. Б. В. Волженкин. СПб., 1998. С. 8–19.

ному кодексу Российской Федерации, которые полагают, что такое право властных субъектов уголовного процесса следует признать (см. ч. 2 ст. 84, ст. 286 УПК РФ). На практике к данному полномочию прибегают чаще всего при формировании такого вида доказательств, как иные документы⁴².

Впервые в законе четко указано, что подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Отдельно выделено, что защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций. При этом названные органы обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии (ч. 2, 3 ст. 86 УПК РФ).

Участники процесса имеют право ходатайствовать о производстве следственных действий по сборанию доказательств, а также сами представлять доказательства, что является способом реализации участником процесса своего права на участие в доказывании (ст. 46, 47, 53 и др. УПК РФ).

Содержание данных норм еще не свидетельствует о появлении в российском уголовном процессе института параллельного расследования, но их наличие в УПК Российской Федерации говорит о стремлении законодателя привести правоприменительную деятельность в сфере уголовного судопроизводства к мировым стандартам в области соблюдения и обеспечения прав и законных интересов граждан, вовлеченных в производство по уголовным делам, путем предоставления им вышеназванных прав. И несмотря на то, что настоятельной необходимости в формировании данного института в уголовном процессе России нет (в связи с тем, что следователь хотя и отнесен к стороне обвинения, на самом деле выполняет самостоятельную функцию расследования уголовных дел, так как устанавливает обстоятельства, и отягчающие и смягчающие наказание, о чем указывает в обвинительном заключении – ст. 220 УПК РФ), закрепление в УПК Российской Федерации вышеуказанных норм обоснованно и с организационной, и с нравственной точек зрения. Однако они, учитывая появившиеся в последнее время комментарии, подлежат доработке.

Так, по нашему мнению, нельзя согласиться с рабочей группой Генеральной прокуратуры Российской Федерации, которая, отвечая на вопросы прокуроров, появившиеся у них при изучении УПК Российской Федерации, пояснила следующее:

Вопрос: Обязан ли защитник представлять добытые им в стадии предварительного следствия доказательства следователю, и если нет, то каким образом в случае противоречия материалов дела добытым защитой доказательствам суд должен разрешать данную коллизию (при отсутствии института доследования)?

Ответ: В соответствии со ст. 86–88 УПК РФ защитник не обязан представлять добытые им доказательства в стадии предварительного следствия. Их он может представить в суд. Представленные доказательства подлежат проверке в ходе судебного следствия⁴³.

Вопрос: В п. 2. ч. 3 ст. 86 УПК РФ отмечено, что защитник вправе собирать доказательства путем опроса лиц с их согласия. Какой должна быть форма фиксации таких доказательств – устная, письменная, с применением аудио-, видеозаписи? Обязан ли защитник полученные в соответствии с ч. 3 ст. 86 доказательства передавать для приобщения к уголовному делу?

---

⁴² Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2002. С. 201.

⁴³ 200 ответов на вопросы, поступившие от прокуроров субъектов Российской Федерации, управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах по применению нового уголовно-процессуального законодательства // Рабочая группа Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2002. Февраль. С. 11.

Ответ: Закон не предусматривает форму фиксации защитником собираемых доказательств. Поэтому форму такой фиксации защитник избирает самостоятельно. Полученные в соответствии с ч. 3 ст. 86 доказательства защитник не обязан передавать для приобщения к материалам уголовного дела⁴⁴.

Понятно, что подобные разъяснения коллектива рабочей группы Генеральной прокуратуры Российской Федерации вытекают из самого содержания норм УПК Российской Федерации, принятого в подобной редакции, но при следовании этим рекомендациям будут нарушаться принципы уголовного процесса, не будет достигнуто его назначение, а следовательно, потускнеет и нравственная сущность уголовного судопроизводства.

Подозреваемый (обвиняемый) будет направлять следствие по ложному пути, а защитник, собирая параллельно со следователем доказательства (не передавая их следователю на стадии предварительного расследования для приобщения к материалам уголовного дела) и представляя их непосредственно в суд в ходе судебного следствия, сможет добиться необоснованного прекращения уголовного дела или вынесения оправдательного приговора (при отсутствии института дополнительного расследования). Следователь, не зная дополнительных сведений по уголовному делу, которые известны защитнику, не сможет установить объективную истину; органы предварительного следствия, обязанные защищать общество и государство от преступных посягательств, будут безрезультатно тратить силы и средства. Здесь следует вспомнить и о потерпевшем, который вновь не получит должной сатисфакции за совершенное в отношении его преступление. Таким образом, следователь, который должен быть объективным, исходя из положений ст. 61 УПК Российской Федерации, не может участвовать в производстве по уголовному делу, если он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного дела; согласно ч. 1 ст. 73 УПК Российской Федерации – обязан собирать как обвинительные, так и оправдательные доказательства, устанавливать обстоятельства как отягчающие, так и смягчающие наказание, а также обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, оказывается в неравном положении со стороной защиты. Обвиняемый и его защитник знают о доказательствах, изобличающих в совершении преступления с момента предъявления обвинения (ст. 172 УПК РФ), а затем после ознакомления со всеми материалами дела (ст. 215, 217 УПК РФ). Следователь же не знает о доказательствах, опровергающих обвинение. При этом в дальнейшем прокурор не сможет качественно поддерживать обвинение в суде, т. е. вновь нарушается принцип состязательности (ст. 15 УПК РФ), государственный обвинитель оказывается в неравном положении со стороной защиты. Если же нарушаются принципы уголовного процесса, нравственное содержание которых не вызывает сомнения, то снижается и уровень нравственного наполнения уголовно-процессуальной деятельности.

По нашему мнению, для восстановления баланса стороны обвинения и защиты, для предотвращения нарушений принципов уголовного процесса, для нравственного совершенствования уголовно-процессуальной деятельности следует предусмотреть в ст. 86 УПК РФ обязанность защитника представлять следователю доказательства, полученные на стадии предварительного расследования, для приобщения к материалам дела.

Проверка доказательств осуществляется дознавателем, следователем, прокурором, судом путем: 1) сопоставления их с другими доказательствами, уже имеющимися в уголовном деле; 2) установления их источников; 3) получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство (ст. 87 УПК РФ).

---

⁴⁴ 200 ответов на вопросы, поступившие от прокуроров субъектов Российской Федерации, управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах по применению нового уголовно-процессуального законодательства // Рабочая группа Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2002. Февраль. С. 11.

Каждое собранное по уголовному делу доказательство подлежит полной и объективной проверке. Сведения, содержащиеся в доказательствах, могут быть положены в основу выводов по делу только после их проверки и всестороннего исследования, что несомненно говорит о нравственной сущности уголовно-процессуальных норм, регламентирующих процесс доказывания, и наполняет саму уголовно-процессуальную деятельность государственных органов и должностных лиц, связанную с доказыванием, нравственным содержанием.

Содержание ст. 87 УПК Российской Федерации обязанность проверки доказательств возлагает на государственные органы, осуществляющие производство по уголовному делу. Однако другие статьи уголовно-процессуального закона убедительно показывают, что важную роль в проверке доказательств могут играть и иные участники уголовного процесса, участвующие в доказывании как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Они могут реализовывать ее путем заявления различного рода ходатайств, связанных с проверкой собранных или собираемых доказательств; постановки вопросов допрашиваемым (свидетелю, потерпевшему, обвиняемому, подозреваемому); внесения в протоколы следственных и судебных действий дополнений, поправок и замечаний; принесения жалоб на действия и решения дознавателя, следователя, прокурора, суда и т. п., что отчетливо показывает нравственную сущность уголовно-процессуальных норм, регламентирующих процесс доказывания.

И, наконец, оценка доказательств представляет собой мыслительную, логическую деятельность дознавателя, следователя, прокурора и суда в целях определения относимости, допустимости, достоверности и достаточности как каждого отдельного доказательства, так и всех их в совокупности (ст. 88 УПК РФ).

Следуя и правовым и нравственным требованиям, государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, вправе признать доказательство недопустимым как по собственной инициативе, так и по ходатайству участников уголовного процесса. При этом, на наш взгляд, рассматривая нравственные основы деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам, и исследуя нравственное содержание уголовно-процессуальных норм, необходимо акцентировать внимание на отдельных положениях, не согласующихся с вышеозначенным.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК Российской Федерации к недопустимым доказательствам относятся показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. Данная норма является несовершенной ни с правовой, ни с нравственной точек зрения. Указанное положение вступает в противоречие с иными нормами уголовно-процессуального закона и тем определением понятия допустимости, которое вытекает из текста уголовно-процессуального закона (ч. 1 ст. 51, ч. 1 ст. 75, ст. 173, ст. 189, ч. 4 ст. 235 УПК РФ). УПК Российской Федерации не устанавливает обязательность участия защитника во всех допросах обвиняемого, поэтому представляется спорным признавать доказательство недопустимым, если при его получении не были нарушены требования закона.

Избыточность п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК Российской Федерации проявляется в том, что признание названных показаний недопустимыми влечет лишение их юридической силы, а следовательно, и признание юридической ничтожности всех совершенных в последующем следственных действий и принятых решений с использованием данных доказательств. В результате необходимо будет признать недопустимыми все материалы предварительного расследования, с чем никак нельзя согласиться. Кроме того, при таком положении дел подозреваемые, обвиняемые смогут манипулировать рассматриваемой нормой. Они будут давать заранее подготовленные показания, отказываясь от защитника, а затем отказываясь и от них самих в суде. При этом, на наш взгляд, назначение уголовного судопроизводства не будет достигнуто.

На основании вышеизложенного следует исключить п. 1 ч. 2 ст. 75 из УПК Российской Федерации. Это будет в большей мере соответствовать нравственному содержанию уголовно-процессуальной деятельности.

Поскольку остальных вопросов, связанных с элементами доказательственной деятельности, мы еще коснемся в процессе исследования, то особо хотелось бы отметить сбор доказательств по уголовному делу с помощью оперативно-розыскных мероприятий. Порядок и условия проведения таких действий, а также их виды определены Федеральным законом от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴⁵

---

⁴⁵ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 6135.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.